

АЛИСА БОРЕЙ

АНАТОМИЯ ИЗМЕНЫ

16+

Алиса Борей

Анатомия измены

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Алиса Борей

Анатомия измены / Алиса Борей — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-05974-0

Это короткий роман о чувствах, страсти и откровенных желаниях. Можно ли ответить изменой на измену и принесет ли полученное наслаждение конечное удовлетворение? Будет ли маленькая месть достойным ответом или останется черным грязным пятном, спрятанным в глубине души?

ISBN 978-5-532-05974-0

© Алиса Борей, 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Глава 1

Девять шагов в одну сторону, резкий поворот и столько же до другой стены. Опять поворот. Халат распахнут, босые ноги шлепают по холодному полу. Пять часов утра, а его нет.

Остановилась у стола, рука схватила пузатую бутылку, и бордовая жидкость полилась в бокал. Хватило только наполовину. С раздраженным недоумением рассматриваю прозрачное темно-коричневое стекло.

– Пустая.

Нет, хватит себя накручивать, – по-прежнему тупо плююсь на зажатую в руке бутылку, – надо быть спокойней и уверенней. Пусть он трахается с кем хочет, с секретаршей своей, с девками своими тугоголовыми. Мне плевать!

Если тебе плевать, – ироничная усмешка кривит губы, – то чего же ты вылакала бутылку вина и мечешься всю ночь как тигрица в клетке.

– Мне плевать, мне плевать, мне плевать! – Заканчиваю почти криком. – Надо просто собрать вещи и уехать. Он придет, а дома никого.

Мстительно сощурились глаза, представляя, как залязгал в личине ключ, открылась входная дверь, и мужчина привычно крикнул – Рини, я дома, а в ответ тишина. Распахнутые дверцы шкафов смотрят пустыми, холодными полками. Он дергает двери: ванна, туалет, спальня. Никого! И каждый уголок оставленной квартиры кричит ему – ну что доигрался, кобель, добегался по бабам, живи теперь тут один!

– А если он обрадуется? – Вопрос вырывается вслух, и на глаза накатываются пьяные слезы.

Нет, серьезно, а если он скажет – ушла, ну и слава богу. Никаких теперь разборок и скандалов. Води кого хочешь. Свобода!

Шиш ему, а не квартира, пусть сам убирается!

Нет, нет, нет, Стас меня любит.

Если он тебя любит, тогда где он, почему не с тобой?

На этом очередной спор с самой собой вновь зашел в тупик, и, запрокинув бокал, я вылила в себя остатки вина.

– К черту, к черту все! Засяду в кресло и буду тихо сидеть и ждать, а когда он придет, плюну ему в морду и спокойно пойду спать.

Вместо этого мои шаги опять начинают мерить комнату взад и вперед. Не могу сидеть, лежать, стоять, надо двигаться, иначе меня просто разорвет от напряжения.

Девять шагов в одну сторону.

– Сволочь!

Девять шагов обратно.

– Нет, ну как он мог!

На мгновение замираю. Шорох шагов за дверью. Послышалось или нет. Снимая все вопросы донеслось аккуратное вползание ключа в замочную скважину.

Идет!

При всей моей бешеной заряженности не представляю как себя вести. Наброситься прямо у двери, изобразить непрístupную холодность и презрение. Что?

Удар рукой по выключателю и предрассветный сумрак как глоток успокоительного. Прыгаю в кресло и запахиваю халат. Еще секунда. Нога на ногу, на лицо бесстрастную маску усталого безразличия. Спокойно, – одергиваю себя, – без криков, без истерик. Подбородок вверх, не сутулься, в глазах непонимание – как ты мог предать все, что было нам так дорого?

В коридоре осторожное топотание, падение сброшенного ботинка, шуршание плаща в шкафу.

Кажется, я перестала дышать.

Мягкие на цыпочках шаги, ищущее хлопанье руки по стене и свет.

Передо мной усталые, пьяные глаза. Ворот рубахи расстегнут, галстук болтается развязанным, в правой руке зажат помятый пиджак.

– Рини, ты не спишь?

В этом вопросе все – разочарование, испуг и мольба – только не сейчас.

– Где ты был? – Стараюсь сдерживать рвущуюся ярость и награждаю его равнодушным взглядом.

Стас, конечно же, не покупается на мое внешнее спокойствие, наоборот, по его лицу пробегает волна обреченности. Он знает меня как облупленную – спокойный ледяной тон это полный трюндец.

– Рини, ты же знаешь. Я ведь звонил тебе, завтра приезжают немцы, надо было подготовить отчет. Да какое там завтра, уже сегодня. Рини, я тебя умоляю, давай перенесем скандал, мне через три часа вновь на работу.

Несмотря ни на что чувствую жалость к нему, лицо помятое и измотанное, в глазах искренняя мольба. Такие честные, искренние глаза.

– Малыш, прости, что заставил тебя волноваться, но это же работа, никто за меня ее не сделает.

Он склоняется надо мной, его губы ближе и ближе, и на меня вдруг обрушивается жуткая какофония запахов – винный перегар, пропахшая табаком одежда и перебивающая все вонь тяжелых пряных духов. Это последняя капля. Шарахаюсь от него как от чумного.

– Бедный, бедный Стасик, переработался.

– О чем ты? – Встречаю испуганно-вопросительный взгляд.

– О чем! – Вскликаю с кресла. – Да ты себя видел, Стас? Какая работа, от тебя же за версту несет вином и дешевыми бабскими духами!

Мой муж разводит руками с самым невинным видом.

– Ерунда, закончили отчет, шеф поставил бутылку шампанского, он же ведь с нами сидел всю ночь. Весь отдел набился в мой кабинет, а ты же знаешь у меня в отделе одни женщины, и некоторые парфюма на себя льют, не жалея.

Смотрю ему в глаза и не верю ни единому слову. Врет, врет и врет, а то что шеф его был с ним, это-то как раз понятно, тоже бабник еще тот.

– Мне твоё вранье надоело, даже придумать ничего толкового не можешь. По глоточку шампанского, а сам еле на ногах стоишь, даже смешно. Ты такой же, как и твой шеф, мерзкий паршивый бабник. Что, решили очередной праздник себе устроить. Вино, девки, тебе ведь кроме этого ничего не надо, семья тебе ни к чему. Тебе никто не нужен, эгоист ты чертов! Я не понимаю, зачем я тебе? Зачем ты вообще женился, если не способен на семейные отношения.

Рублю наотмашь, куда ни попадая, лишь бы попало и побольней.

– Ну, началось. – Стас демонстративно закатил глаза. – Говорю же тебе, ничего не было. Я был на работе.

– Кто еще с тобой был на этой твоей работе? – Вкладываю максимум сарказма в слово работа.

– Ну, кроме шефа, еще Мария Петровна, Лариса...

Этого имени мне достаточно.

– Значит твоя «белая мышь» трудилась с тобой, не покладая рук.

– Конечно, это же ее направление. Рини, давай перенесем разборки на завтра, я очень устал.

– Ах, бедняжка, он всю ночь трахался, трудился в поте лица, устал, пришел домой, а тут вместо отдыха, жена-стерва сидит и издевается.

Голос мужа сорвался на повышенный тон.

– Перестань, прошу тебя! Я же ради нас стараюсь!

– Ты бы лучше дома так старался, – тоже кричу ему в лицо, – а то я не припомню, когда у меня был секс с собственным мужем. Просыпаюсь, его нет, ложусь, он еще не пришел! Да я скоро забуду, как ты выглядишь!

– Ирина, прекрати, сейчас точно не самое лучшее время для скандала. – Он наморщил лоб и прищурился.

– Кстати, секс был позавчера.

Лучше бы он промолчал.

– Ах, вот как, позавчера. – Награждаю его презрительным взглядом. – Прости, если та пара минут, на которые ты сподобился, не сохранилась в моей памяти.

По его лицу пробежала гримаса раздражения, и это принесло мне мстительное удовлетворение. Сейчас хотелось только одного – сделать ему больно. Неважно, как и какими словами, только, чтобы его душа страдала, так же, как и моя.

– Сегодня то, надеюсь, ты был на высоте, не посрамил честь фамилии? Эта твоя белобрысая стерва осталась довольна?

– Какая стерва, о чем ты?

Стас рванул воротник сорочки, и на внутренней стороне мелькнул красный след губной помады.

– Ну, все! Это уже слишком! – Опрометью бросаюсь к двери.

– Постой!

Мужские руки пытаются меня остановить, но делают только хуже. Нервно отбрасываю их в сторону и вырываюсь на свободу.

– Иди ты к черту! – Чувствую в себе такую испепеляющую злость, что готова броситься на него с кулаками.

– Нет, лучше я уйду. Не могу больше здесь находиться. В этой комнате, в этой квартире, где все пропитано твоим враньем.

Теперь я завелась по-настоящему. Выскакиваю в коридор и хватаю на ходу плащ. Руки нервно тыкаются в рукава и как назло не могут попасть.

– Постой, Рини, что ты напридумывала себе. – Стас расправил плащ у меня на спине.

Бешено стреляю в него глазами и впихиваю ногу в туфлю.

– Ты на себя посмотри, может быть тогда поймешь, что ничего придумывать не надо, у тебя на морде все написано.

Наконец то, удалось влезть в туфли, и я кидаюсь к двери. Стас неуклюже пытается закрыть проход собой.

– Ну, куда ты сейчас, ведь пять утра. На улице темно.

Бросаю на него взгляд переполненный ненавистью.

– Тебе то, что за дело! – Волна злости как физический удар отбрасывает Стаса от двери.

Выход свободен, вырываюсь на лестничную клетку и с риском сломать каблуки, а заодно и шею, несусь вниз по лестнице. Только этажа через три начинаю помаленьку соображать. Куда я бегу? Может лифт вызвать, пятнадцатый этаж все-таки. Мысли мелькают в голове, но остановиться нет никакой возможности. Остановишься, и сразу же возникнут вопросы. От кого или от чего я убегаю? Зачем? Что будет дальше?

Боюсь этих вопросов, но еще больше боюсь ответов, поэтому бегу, не останавливаясь, грохоча на весь подъезд каблуками. Виток за витком мелькают бетонные ступени. Бухает входная дверь. Холодный ночной воздух обжигает раскрасневшееся лицо. Кругом темнота, нарушаемая лишь желтыми пятнами редких фонарей.

Дальше что?

Широкими шагами пересекаю двор и останавливаюсь у белеющего края дороги.

Что дальше? Бежать? Остаться? Сесть на лавочку и завить от тоски?

Что угодно только бы не возвращаться домой. Пусть помучается в неведении, где она, с кем?

Желтая машина с шашечками на крыше выворачивает из-за угла и медленно-медленно приближается, шурша колесами по асфальту. Также медленно опускается стекло, и из темноты слышится голос.

– Вам куда, девушка?

Только сейчас понимаю, что стою с поднятой рукой.

Что я делаю, куда мне ехать? – Опускаю руку и лихорадочно пытаюсь найти ответы, но вместо ответов слышу свой голос.

– Комсомольский проспект, 17.

– Садитесь.

Открываю дверцу и в слабом свете загоревшейся лампочки вижу молодого человека славянской наружности с приветливой улыбкой.

Устраиваюсь на сиденье, а в голове крутится вопрос, что я ей скажу? Заявиться в пять утра без звонка это, по-моему, многовато даже для лучшей подруги.

Хлопок двери. Машина мягко трогается с места.

А если она не одна? – Продолжают грызть сомнения. – Может поехать в гостиницу, а с утра уже... Чтобы я свихнулась до утра в одиночестве. Нет, Верка побурчит и поймет. Мы с ней подруги еще со школы, к кому мне еще идти.

– У вас что-то случилось?

Мягкий грудной голос отвлекает меня от раздумий.

– Что? – Поворачиваюсь к водителю и встречаю внимательный спокойный взгляд карих глаз.

– Я спрашиваю, может быть вам помочь нужно? У вас все нормально?

У меня все нормально? – Повторяю за ним, вновь погружаясь в себя. – Нет, ничего у меня ненормально. Все ужасно. Муж мне изменяет и врет каждый день, а я не знаю, что делать.

Карие глаза, не отпуская, по-прежнему ждут ответа, и я, встряхнув головой, прогоняю безнадежную муть.

– Да, все хорошо. Поехали. – Прикрываю глаза, не хватало еще посторонних мужиков впутывать в свои проблемы.

Глава 2

Такси бежит по пустым улицам, теплый воздух из печки поддувает душной волной. В машине жарко, но меня все равно знобит. Кутаюсь в плащ, стараясь согреться.

– Что, с мужем поссорились? – Мягкий, вкрадчивый голос звучит так, словно мы старые приятели.

– Нет. С чего вы взяли? – Отвечаю нервно, почти агрессивно, сопротивляясь чужому вторжению на закрытую территорию.

Парень, не обращая внимания на мое раздражение, посылает радушную улыбку.

– Вы не пугайтесь, я к вам в душу не лезу, просто вижу, красивая девушка среди ночи, в туфлях на босу ногу, плащ накинут прямо на ночную рубашку. Значит, что-то случилось. У меня глаз наметан, на путану вы не похожи, на алкоголичку-наркоманку тем более.

– Спасибо и на этом. – Прерываю его ироничной усмешкой.

Водитель, притормозив на перекрестке, плавно вкатился в поворот и вновь начал набирать ход.

– Вот и остается – ссора. – Быстрый взгляд в мою сторону. – Вы не думайте, я к вам пристаю без всяких задних мыслей и даже не от скуки.

Он еще раз мягко улыбнулся.

– Я же вижу, вам сейчас надо с кем-нибудь поговорить, когда я со своей девушкой поссорился, у меня такое же настроение было. Хоть на стену лезь, хоть в омут головой. Хорошо друзья не оставили в такую минуту. Напились, кулаками помахали, вроде полегчало, но вам-то такое лекарство не посоветуешь. Вы, чувствуется, натура тонкая, нервная, такие долго держатся, но если ломаются, то уж до конца, до самого дна.

Впервые с интересом посмотрела на таксиста. Недавняя дорогая стрижка, наглядко выбрит, пахнет дорогим мужским парфюмом. Лицо открытое, приятные правильные черты лица с миндалевидными карими глазами. Красавчик, – усмехнулась про себя и выдала в слух.

– Вы на таксиста тоже мало похожи.

Губы парня изогнула легкая усмешка.

– Да сейчас полстраны таксует. Нужда, она дама капризная, не спрашивает, чего ты хочешь и на кого похож.

Это уж точно, – сжимаюсь в себе, – ну что, натура тонкая и нервная, что будешь делать? Ответов нет. В душе полная тишина и беспросветная муть.

– Ну, так и что, – с удивлением слышу свой собственный голос, – какое лекарство посоветуете?

Рассматриваю парня в упор, но он воспринимает мой вопрос как должное и абсолютно серьезно.

– Главное, не спешите с решениями.

Небольшая пауза, за которую я успеваю подумать, что этот совет пришел явно с запозданием.

– Загляните в себя, постарайтесь понять причины ссоры. – Легкая улыбка в мою сторону. – Я имею в виду не ту причину, лежащую на поверхности, а те глубинные омуты, которые к ней привели.

Тоже мне философ, какие уж тут глубинные течения, если и так все понятно. Бросаю на него раздраженный взгляд.

– Не надо гнать мне эту пургу. Если мужик не может устоять и лезет под каждую юбку, то копать в себе полная глупость.

– Не скажите. – В глазах таксиста мелькнула грустная ирония. – Все наши беды от неудовлетворенности. Чаще всего мы хотим одного, а получаем совсем другое. Иной раз думаешь,

вот она птица счастья, вот та, которую всю жизнь искал, а присмотришься и ловишь себя на мысли, что нет, не она, но уже поздно. И больно делать человеку не хочешь и жить вместе невыносимо. Вот и ломаешь себя, и врешь и изворачиваешься.

– Подождите, – меня вдруг ожгло подозрение, – думаете, он меня разлюбил.

Губы парня чуть изогнулись в усмешке.

– Или вы его.

Пугающе вспыхнул красный глаз светофора, и машина, качнувшись, остановилась.

Нет, не слушай эту ерунду, – напускаюсь на себя, – Стас, конечно, кобель и бабник, но меня он любит по-настоящему.

А ты? – Ознобом екнул вопрос. – Ты его любишь?

На мгновение задумываюсь, и это мгновение ставит меня в тупик. Еще минуту назад спроси я себя и, не задумываясь, ответила бы да, а сейчас?

Все, гони эту хрень из головы. Стас, несомненно, сволочь, но он моя сволочь и я его люблю. Все эти девки для него так, пустое, минутное развлечение. Перебесится.

А ты? – Вновь звучит тот же вопрос в моей голове. – Ты сможешь его простить, закрыть глаза на его измены и жить, как ни в чем не бывало.

Голос таксиста вклинился в мои кошмары, словно он прочитал терзающие меня мысли.

– Может быть, дело не в вашем муже? Может быть, дело в вас? Вы удовлетворены? Как вы относитесь к своему мужу? Такого мужчину вы мечтали видеть рядом с собой? Я говорю сейчас не об измене, а вообще. Вы довольны своим мужчиной, как вы смотрите на него утром, когда вы кормите завтраком, лучатся ли ваши глаза счастьем, когда вы встречаете его вечером, как вам с ним в постели, наконец?

Вот ведь паразит, – мысленно обругала таксиста и задумалась. Вспомнилось мое ворчание по поводу постоянно разбросанной одежды. Скандалы по всяким мелочам. И уж точно на шею я Стасику по вечерам не бросаюсь. А раньше бросалась. Перед глазами всплыла картина, как я опаздываю к нему на свидание. Бегу по лужам под дождем, ноги мокрые, а сама счастливая как полная дура.

Губы непроизвольно сложились в улыбку и тут же растянулись в тонкую, печальную нить.

Когда это было? Сейчас все больше претензии и разборки. Кто чего не сделал, кто чего должен был сделать.

Парень, не дождавшись ответа, решил напомнить о себе.

– Так вы довольны своим мужем? Это ваш идеал?

Поднимаю на него несколько растерянный взгляд.

– Не знаю.

– Так я и думал. – Водитель, не отрываясь, смотрит вперед. – Вот вам и первопричина. Где то в глубине души каждой женщины живет идеал. Розовая картинка как должна выглядеть ее жизнь, ее мужчина, ее дети, но реальная жизнь отличается от мечты, и в этом кроется дьявол. Чем больше различий, тем глубже пропасть неудовлетворенности.

Этот нравоучительский тон начал меня раздражать.

– Не надо упрощать. Все мечтают о счастье, о чем-то несбыточном, и мужчины тут не исключение.

– Да, но у мужчин мечты материальны и конкретны, а женские фантазии расплывчаты и призрачны. Она никогда не знает точно, чего хочет, не представляет в деталях, как должен выглядеть ее счастливый мир. Он как волшебный мираж окутывает ее душу и отторгает все, что ему не соответствует. Отсюда упрямство, раздражительность и тяга к немотивированным скандалам.

Сказать, что этот философствующий таксист несет полную чушь, так нет. В общем-то, есть доля правды в его словах, – устало прикрываю глаза, – а что это меняет?

Машина притормозила у подъезда, и я почувствовала направленный на меня взгляд.

– Мужчина чувствует неудовлетворенность своей женщины, как бы она это не скрывала. Она проскальзывает в случайно оброненном слове или ненароком пойманном взгляде. Вам кажется, что мужик это толстокожий, ничего не понимающий медведь, но это не так. Неудовлетворенность своей женщины он способен ощутить, как бы она ее не скрывала и это все отравляет, делает его жизнь рядом с ней невыносимой. Муж должен ловить восторг в глазах своей жены, уважение и если хотите преклонение, тогда он чувствует свое предназначение как глава семьи, чувствует оправданность своего шага, взятых на себя обязательств и ответственности. Если же он видит, слышит, ощущает изо дня в день, что не он является ее идеалом, не с ним она мечтала провести свою жизнь, то как осудить его за то, что он не хочет возвращаться домой.

Поворачиваюсь и встречаю рассматривающие меня внимательные карие глаза.

– И что же тогда делать бедной женщине? – Закрываюсь ироничной усмешкой. – Посоветуете что-нибудь, ваша мудрость?

На мужское лицо ложится понимающая улыбка.

– Бежать! – Его улыбка становится шире, и я не могу удержаться, чтобы не засмеяться.

– Кажется, я уже последовала этому совету.

– И правильно сделали. – Теплая мужская рука неожиданно сжала мои ледяные пальцы.

– В такой ситуации только два выхода либо ломать себя, пытаюсь примирить непримиримое и жить в состоянии вечной неудовлетворенности, мучая себя и других, либо сознаться себе в том, что это была ошибка и бесстрашно броситься на поиски своего идеала.

Я не убрала руку, потому что в этот момент жуткая тоска резанула по сердцу.

– Это страшно и больно. – Даже не заметила, что произнесла это вслух.

Крепкие пальцы сочувствующе сжали мою ладонь.

– Вы молоды, красивы, у вас еще есть время все исправить.

– Думаете? – Вдруг ощутила себя маленькой беззащитной девочкой, которой протягивают руку помощи.

– Конечно, – пожатие стало крепче, – надо искать и не терять надежду.

Поднимаю лицо и чувствую, как приближаются шепчущие губы.

– Надо искать, обжигаться и пробовать снова.

Надо искать свой идеал, – пробую эти слова на вкус, – не довольствоваться тем, что имеешь, а искать того, кто нужен именно мне. Не мириться с фальшью, не лгать самой, а искать истинную любовь.

Мужские губы коснулись моих и замерли, словно спрашивая разрешения, а на меня как гипнотическое оцепенение навалилась усталость и бессилие. В голове лишь яркими светящимися буквами горит неоновая вывеска «Искать истинную любовь»!

Чувствую обжигающее тепло, приятный запах мужского одеколona и волнительную близость. Откидываю голову, и поцелуй смыкается на моих губах. Не хочется шевелиться, пусть эти жаркие, сухие губы забирают меня. Приоткрываю рот, позволяя им хозяйничать, и чувствую горячую ладонь на своем колене.

Падают в стороны полы плаща и крепкие пальцы скользят вверх, собирая подол пеньюара и ночной рубашки.

Что я делаю? – Прорывается первая рассудочная мысль. – А что? Стас уже в прошлом, пусть это будет моя прощальная месть. Вот так назло ему вульгарно отдаться прямо в такси. Первому попавшемуся!

Мужской рот жадно завладевает моими губами. Я не отвечаю и не сопротивляюсь, разрешая ему ласкать себя. Пальцы скользят по петлям плаща, расстегивая пуговицы и пропуская горячую ладонь вовнутрь, под жесткую ткань плащевки к тонкому кружеву и шелку белья.

Чувствую унижительность ситуации и возбуждающую истому одновременно. Вяжущая тяжесть внизу живота разливается горячей всепроникающей слабостью, она вдавликает меня

в кресло, и заставляет приоткрыть рот, подставляя себя под жесткий властный язык, раздвигающий мои пересохшие губы.

Что ты делаешь, дура! – Клянусь себя и вздрагиваю от судороги. Мужская ладонь добралась до груди и стиснула набухший сосок. Такого постыдного животного возбуждения у меня еще никогда не было. Я всегда стремилась, чтобы в постели все было идеально, романтично и нежно, а тут жуткое, грязное похотливое желание, гадкое и такое сладкое одновременно. Дьявольское наваждение, которое надо немедленно прекратить и которому невозможно сопротивляться.

Крепкие руки приподнимают бедра, и мои насквозь мокрые трусики начинают сползать вниз, а все что мне хочется сейчас, это раздвинуть ноги и застонать как дворовая кошка. Жаркая ладонь, втиснувшись между сжатых бедер, с силой сжимает мое лоно, заставляя стонать и изгибаться в истоме.

Где-то глубоко в душе, мой собственный голос полоснул обжигающим хлыстом.

Ты и есть кошка, драная помойная кошка. Ты осуждала Стаса, а сама ведешь себя как он. Нет, даже хуже. Ты ничтожество! Ты мелкая похотливая дрянь!

Мужское тело навалилось давящей тяжестью.

– Нет! – Отталкиваю его двумя руками.

– Что? – Он уже в бешеном возбуждении и не может понять в чем дело.

– Нет! – Ору уже в полный голос, сталкиваю с себя ошеломленного мужчину.

Нет, нет, нет! – Резко хватаюсь одной рукой за трусики и торопливо пытаюсь натянуть их обратно, а второй хаотично ищу на ощупь ручку двери. Секунда, еще одна – не могу найти. В голове паника, стыд, страх, вот-вот заору как резаная. Лоб мокрый от пота, сердце уже где-то ниже пяток от ужаса, но к счастью вот она. Распахиваю дверь и буквально вываливаюсь наружу. Глоток свежего воздуха как нельзя кстати. Грудь ходит ходуном, и я не могу надышаться, но вдруг из жаркого нутра машины вытягивается рука и хватает меня за плащ.

– Подожди, что случилось?

– Иди к черту! – Вырываю полу и с грохотом захлопываю дверь.

Рука чудом успевает юркнуть обратно, прежде чем машина закачалась от удара. Делаю еще один глубокий вдох и, не оглядываясь, бегу к подъезду. Несколько шагов и взлетев по ступеням, начинаю лихорадочно тыкать в кнопки кодового замка. Четыре, шесть, восемь, повторяю за движением пальца и хватаюсь за ручку. Боюсь оглянуться, теперь мне вдруг стало страшно, так страшно, что заходили ходуном коленки и задрожали руки. Боюсь услышать за спиной шум дверного замка и приближающиеся шаги. Скорее, скорее бежать пока все не повторилось вновь.

Тяжелая подъездная дверь хлопает за моей спиной, и только после этого я вздыхаю с облегчением. Господи, неужели это была я?

Глава 3

Тяжело переставляя ноги, ползу по лестнице вверх. На внутренней части бедра противно застыла холодная капля, напоминая мне о моем помешательстве.

Почему я тащусь пешком, – отрешенно спрашиваю саму себя, – ведь лифт же есть?

Вопрос остается без ответа, а ноги продолжают отсчитывать ступени. Мне просто хочется заставить себя помучиться за глупость, за доверчивость и слабость. За все то, что я так ненавижу в себе.

Десять этажей, двадцать лестничных пролетов достаточное наказание, чтобы привести себя в чувство. Поворот налево и вот она дверь, обтянутая светло-коричневой кожей.

Рука потянулась к звонку и остановилась.

Сколько же сейчас времени? Верка будет в бешенстве, она стопроцентная сова и наверняка заснула только недавно.

Секундная пауза и палец жестко вдавил белую кнопку.

Ничего, подруга она мне или нет!

Противная трель звонка, не смолкая, гремит внутри квартиры, но я не отнимаю руку, понимая, что поднять подругу будет нелегко. Через минуту непрерывного звона начинаю опасаться, как бы раньше не открылась дверь напротив, и на меня не выплеснулся бы справедливый гнев разбуженных соседей. Прикладываю ухо к двери и облегченно вздыхаю, услышав в глубине шарканье полусонных шагов. Звуки все ближе и вот они уже трансформируются в раздраженное бурчание.

– Какого черта, кто там?

Слышу свой тихий и усталый голос.

– Это я, Вера, открывай.

Звяканье ключей, лязганье замков, и наконец, в дверной щели появляется заспанное лицо.

– Ирка, ты чего притащилась в такую рань? Что случилось?

Если не брать во внимание показную грубость и черствость, то Верка хороший, добрый человек и замечательная подруга. Она, конечно, обругает, раз сто назовет душой, а то и похлеще, но в беде никогда не бросит. Она не будет сюсюкать и сопереживать, но всегда протянет руку помощи. Сколько уже раз я приходила к ней вот так как сейчас, неожиданно-негаданно, с ворохом своих проблем, и она принимала, ругала, кричала, а затем куда то звонила, с кем-то договаривалась, тащила меня в какие-то кабинеты и казалось бы неразрешимые проблемы вдруг как-то незаметно рассасывались и решались.

Отбрасываю ладонью челку и вместо ответа ехидно замечаю.

– Будешь держать меня на лестничной клетке или все-таки вступишь в квартиру.

– Я бы предпочла оставить тебя снаружи, – дверь распахнулась, и Верка с усмешкой сделала шаг назад, – но ведь ты не успокоишься и будешь трезвонить, пока всех соседей не перебудешь.

Вхожу в маленькую прихожую, заполненную желтоватым светом и улыбаюсь в ответ.

– Я тоже рада тебя видеть.

Вместо слов за спиной загремели замки и ключи.

Сбрасываю туфли и, не снимая плаща, шлепаю босыми ногами на кухню, где забираюсь на стильный, но жутко неудобный высокий табурет. Следом за мной заходит Вера и упирается в меня взглядом.

– Чай, кофе, или..?

Выставив локти на стол и зажав ладонями лицо, молча смотрю ей в глаза.

– Ясно! – Вера, открыв створку шкафа, запускает туда руку.

– Что бы у тебя не случилось, – она со стуком ставит бутылку вина на стол, – ты будешь в ответе, если в результате твоих неожиданных приходов я заделаюсь настоящей алкоголичкой.

Мои губы растягиваются в ироничной улыбке.

– Обещаю устроить тебя в лучшую наркологическую клинику.

– Тогда ладно. – Хмыкнув, она выдернула пробку.

– Судя по твоему виду лучше было бы налить водки, – на столе звякнув, появились бокалы, – но, к сожалению, у меня такого продукта не водится.

– Ничего, – Отпустив голову и выпрямившись, беру в ладонь холодный хрусталь, – вино тоже подойдет.

Чувствую, выпить мне сейчас крайне необходимо, чтобы унять все еще не отпускающий нервный озноб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.